

ДНЕВНИК РОУЗ ИНГРИД КАСЛ

Прошло три месяца с тех пор, как Оуэн ушел. Ушел или ушел от меня — не совсем ясно, как и многое другое в мире взрослых. Он устроился на работу в Лондоне, якобы это отличная возможность. Не то чтобы он звал меня с собой, но мы оба понимали, что поехать я не смогу. Еще одна штука из мира взрослых — ответственность. А в моем случае одна конкретная ответственность. Ферн.

Но позвольте начать все сначала, поскольку звучит, будто я ее виню. Это не так. Проблемы между мной и Оуэном на сто процентов, однозначно и целиком моя вина. Я совершила самый страшный из супружеских грехов — я изменилась. В одночасье, как только мне исполнилось двадцать семь лет, я превратилась из хорошо образованной, сильной личности в одну из тех жалких женщин, которые хотят ребенка с такой свирепостью, что это оттолкнуло моего мужа. Ненормальная, всюду таскавшая с собой наборы для определения овуляции, я то и дело сдавала сперму мужа на анализ и измеряла температуру тела. В прошлой жизни я с презрением смотрела на таких женщин со своей, как мне тогда казалось, высокой

Салли Хэпворс

и фертильной колокольни. Но однажды я стала одной из них. Я давила, и давила, и давила... пока мой муж не ушел. Бросил меня.

Мой психотерапевт прав: если излить все мысли на бумаге, то правда становится легче. На сеансах мы почти не говорим об Оуэне. Вместо этого мы пятьдесят минут обсуждаем мое травмированное детство. По его словам, хороший способ справиться с травмой и оставить ее в прошлом — излить о ней душу на бумаге. Вот почему он дал мне этот дневник. Не уверена, что это поможет, но вот я уже пишу. Очевидно, привычку всем угождать не так легко искоренить.

Начать стоит с того вечера у реки. Мне было двенадцать. Мама встречалась с Дэниелом уже почти полгода, но мы впервые выбрались куда-то вместе. Дэниел взял с собой Билли, к нашему с Ферн восторгу, — мы всегда мечтали о брате и о том хорошем, что он с собой несет: бурное веселье, несокрушимая аргументация и симпатичные друзья. Поначалу мы хорошо проводили время. Даже лучше, чем хорошо. Впервые у меня появился такой шанс — стать частью нормальной семьи. Дэниел учил нас ловить рыбу, Билли учил играть в покер, а мама... она была совершенно другим человеком. Она напоминала нам наносить солнцезащитный крем и просила быть осторожными в реке, «потому что течение слишком сильное». Однажды она даже ласково обняла меня за плечи, когда мы сидели у костра. Она никогда не делала этого раньше. А я никогда не забуду, каково это — быть в маминых объятиях.

В последний вечер мы с Билли и Ферн пошли к устью реки. В воздухе висела дневная жара, и большую часть

Хорошая сестра

времени приходилось отмахиваться от комаров. Билли находился в воде — только там можно было хоть как-то спастись от изнуряющей жары. Обычно мы с Ферн тоже купались, но в тот вечер с ней было что-то не так. Она была в одном из своих настроений. Весь день я пыталась спросить ее, в чем дело, но когда она расстраивалась, то легко выходила из себя. Поэтому я решила оставить все как есть.

Мы провели у реки около часа, когда я ощутила зов природы. Билли не собирался вылезать из воды, поэтому я отправилась в лес. Ни за что в жизни не позволила бы ему видеть, как я писаю. Идти пришлось медленно: было темно, я была босиком, и шагать приходилось осторожно, а страх перед змеями отнюдь не помогал. Тем не менее на все про все у меня ушло не более пяти минут. Видимо, этого оказалось достаточно.

Когда я вернулась к реке, Ферн уже не было.

— Ферн! — позвала я. — Ты где?

Было странным не обнаружить ее там, где я ее оставила. Только минуту спустя я нашла ее у мелководья реки, в лучах лунного света. Она стояла до жути неподвижно. Билли нигде не было видно.

— Что ты?.. — Я шагнула к ней, и она подняла руки вверх.

Не успела я спросить, что происходит, как что-то всплыло на поверхность воды рядом с ней — серебряно-белая, неподвижная плоть.

— Ферн... — прошептала я, — что ты наделала?

ФЕРН

Каждый вторник по утрам в 10:15 я встаю за стойку регистрации в общественной Библиотеке Бейсайда. Это далеко не самый любимый мой пост здесь, но по вторникам я делаю исключение, поскольку отсюда лучше видно круглый зал для посетителей, где проходят чтения для детей. Мне нравится слушать, несмотря на раздражающий шум, суету и порой совершенно неожиданные проявления детских чувств. Сегодня Линда, наш детский библиотекарь, развлекает малышей выразительным пересказом «Трех поросят». В этот раз она включила изобретательность, решив отказаться от обычного чтения вслух и разыграть сказку, попеременно надевая то пушистую волчью голову, то голову свиньи с бледно-голубыми глазами и выпирающим пяточком.

В целом дети в восторге от ее выступления, за исключением одного визжащего новорожденного на плече у матери да мальчика в оранжевом джемпере, закрывшего уши и спрятавшего лицо на коленях у бабушки. Я тоже поглощена представлением,

Хорошая сестра

настолько, что не сразу замечаю у стойки женщину с заостренными ногтями кораллового цвета, прижимающую к себе охапку книг.

Я перекатываюсь на своем эргономичном кресле правее, не отрывая глаз от деток (которые в данный момент помогают Линде сдуть воображаемый соломенный домик), но женщина, к моей досаде, движется вместе со мной, фыркая и ерзая. Наконец, постукивая длинными ногтями по стойке, она не выдерживает и, прочистив горло, произносит:

— Прошу прощения!

«Прошу прощения», — повторяю я, мысленно прокручивая эти слова. Хм, непохоже, чтобы она о чем-то сожалела. Приходить и уходить посетители могут, когда им заблагорассудится — разрешения просить необязательно. Возможно, она извиняется за свое невежество, но я не слышала, чтобы она рыгнула или пустила газы, так что, думаю, дело не в этом. Поэтому я прихожу к выводу, что таким образом она использовала тот странный социальный ритуал, когда пытаются привлечь чье-то внимание. Но в наши дни люди до того нетерпеливы, что, не успеваю я открыть рот, как она спрашивает резким тоном:

— Вы здесь работаете или как?

До чего несообразительные иногда встречаются люди в библиотеке! Ради всего святого, зачем мне еще стоять за стойкой с именованным бейджем, если я здесь не работаю? Хотя, признаю, я не совсем вписываюсь в обычное представление о сотруднике этого учреждения. Для начала, среднестатистическому библиотекарю лет сорок пять (согласно «Сборнику

библиотекаря»), а мне двадцать восемь; одеваюсь я моднее и ярче, чем большинство моих коллег: цветастые футболки, блестящие кроссовки и длинные юбки или комбинезоны с радугами и единорогами. Волосы я заплетаю в две косы и каждую собираю в пучок по бокам (это не отсылка к принцессе Лее, хотя любопытно, выбрала ли она этот стиль за его практичность, как и я, чтобы длинные волосы не мешались). И тем не менее очевидно же, что я библиотекарь.

— Девушка, вы книги мне выдадите? — требует женщина.

— Желаете выписать эти книги? — спрашиваю я терпеливо. Сэкономила бы кучу времени, просто попросив меня об этом.

— А почему, по-вашему, я здесь стою? — вытаращила она глаза.

— Тому есть бесконечное количество причин, — отвечаю я. — Вы, наверное, заметили, что стоите непосредственно рядом с фонтаном — а это самое многолюдное место в нашей библиотеке. Может, вы остановились, чтобы отобрать документы, с которых вам нужно снять ксерокопии. Или любуетесь картиной Моне на стене за моей спиной — в чем я вас прекрасно понимаю, сама то и дело заглядываюсь. Или остановились на пути к выходу, чтобы завязать шнурки и в очередной раз убедиться, что мужчина в разделе научной литературы не ваш бывший. Может, вы, как и я, пришли насладиться прекрасным исполнением Линдой «Трех поросят»...

Хорошая сестра

Предположений еще много, но меня перебивает Гейл, спешно подбежавшая к стойке:

— Могу я вам помочь?

Гейл умеет появляться в подходящий момент. У нее пушистые светлые волосы, сильный парфюм, и она любит приносить мне лимоны со своего лимонного дерева. Стоило как-то сказать, что я люблю пить теплую воду с долькой цитрусового, и с тех пор не было и дня, чтобы Гейл не угощала меня лимоном. Я хотела попросить ее перестать это делать, но Роуз говорит, людям нравится доставлять мелкие радости, поэтому лучше просто поблагодарить и выбросить лимон, как бы странно это ни звучало. Но Роуз, как правило, в таких вещах всегда права.

— Наконец-то! — восклицает женщина и начинает свой рассказ о том, что ее сын забыл библиотечные книги в пляжном домике, в котором недавно провели дезинфекцию, поэтому забрать их удалось только вчера, и теперь ей грозит штраф, а она хотела бы продлить их аренду, но на них уже двадцать семь резервов, двадцать семь! Что касается историй, как избежать штрафа за не сданную в срок книгу, рассказ этой дамочки вполне безобиден. Недавно один джентльмен объяснял мне, что его дочь взяла наш экземпляр «Одиссеи» с собой во время похода в Анды и оставила его в одной горной деревушке матери новорожденных близнецов, чей муж не так давно скончался. Меня поразило, что женщина из глуши настолько хорошо владела английским, что могла читать саму «Одиссею», да еще

Салли Хэпворс

и в одиночку воспитывая двоих детей где-то на горных вершинах. (Гейл, конечно, простила ему этот штраф.)

В библиотеке я работаю четыре дня в неделю, плюс два воскресенья в месяц. Если нет дождя, как сегодня, то на работу иду пешком, все тридцать пять минут пути слушая аудиокнигу, и прихожу как минимум за пятнадцать минут до начала смены. Если идет дождь, то сажусь на автобус и приезжаю в то же время. Весь день я помогаю посетителям выбирать книги, обрабатываю возвраты и всячески избегаю вопросов о копировальном аппарате. По определенным дням делаю новые закупки, оборудую конференц-залы для бесед с авторами или общинных собраний и собираю заказы для нашей службы доставки книг на дом. Я стараюсь избегать бесед, не касающихся книг, хотя иногда позволяю Гейл завлечь себя разговорами о ее саде или внуке, потому что Роуз говорит, что нужно быть вежливыми с теми, кто нравится.

Слушая, как Гейл отменяет штраф для дамы с ногтями кораллового цвета, краем глаза я замечаю, как через автоматические двери в библиотеку заходит молодой человек в очках с толстыми стеклами и шапке в красно-белую полоску. Скорее всего, бездомный, судя по слишком свободным джинсам и полотенцу, перекинутому через плечо. Направляется в душевую. В Библиотеке Бейсайда есть две душевые комнаты (благодаря тому что раньше здесь располагалась больница), так что отнюдь не редко бездомные приходят сюда принять душ. Увидев здесь бездомного

Хорошая сестра

впервые, я была поражена, но это было до прихода Джанет — моей бывшей начальницы. Она научила меня, что библиотека принадлежит каждому. «Библиотека, — говорила она, — это одно из немногих мест в мире, где не обязательно платить за что-то или верить во что-то, чтобы войти, и работа библиотекаря заключается в том, чтобы заботиться о тех, кто сюда приходит». Я отношусь к этой обязанности со всей серьезностью, за исключением случаев, когда посетителям требуется помощь с ксероксами — тогда я обхожу их стороной.

Я достаю свою сумку и следую за парнем к душевым. Он высокий — очень высокий — и долговязый. Со спины да еще в этой полосатой шапке с помпоном он напоминает маленького Уолли из «Где Уолли?».

— Уолли! — зову я, когда он заходит в небольшой вестибюль — душное, отделанное плиткой помещение без окон, ведущее к мужским и женским уборным. Как правило, я всячески избегаю этого места, но, когда этот парень вошел, я почувствовала неожиданный призыв посмотреть своим страхам в лицо.

— Душевой хотели воспользоваться?

Он оборачивается, удивленно приподнимая брови, но ничего не отвечает. Я подумала, вдруг он плохо слышит? В нашей библиотеке есть целое сообщество слабослышащих. Я повторяю вопрос громко и медленно, позволяя ему читать по губам.

— Да? — произносит он наконец, будто бы вопросительно, а не в ответ на мой вопрос.